

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА /
THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.143.39>

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РИТОРИЧЕСКИХ КОДОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Научная статья

Ступина Е.С.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-9978-9686;

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (stupina.ek[at]mail.ru)

Аннотация

Риторический код произведения обусловлен особенностями восприятия художественной речи. Изучение кода направлено на установку взаимодействия конкретной информационной данности и возможной реализации скрытых смыслов. Интерпретация кода связана с осмыслением особенностей жанра, а также с пониманием функционально-эстетической нагрузки риторических приемов. С помощью риторических средств автор оставляет в тексте знаковые элементы, по которым может ориентироваться читатель. Риторические коды, реализуемые с помощью приемов сравнения и олицетворения, могут быть связаны с процессом персонификации какой-либо абстракции, что позволяет представлять цельную художественную картину мира с опорой на обобщенный психологический, философский, культурологический опыт. Точность дешифрация риторического кода, заложенного автором в художественном тексте, определена индивидуальностью самого читателя. Стремление к полному и глубокому владению языком позволит понять эстетический, идейный формат художественного текста.

Ключевые слова: риторический код, интерпретация, жанр, риторический прием, текст.

INTERPRETATION OF RHETORICAL CODES IN THE STUDY OF FICTION TEXTS

Research article

Stupina E.S.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-9978-9686;

¹ Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

* Corresponding author (stupina.ek[at]mail.ru)

Abstract

The rhetorical code of a work is conditioned by the specifics of perception of fiction speech. The study of the code is aimed at establishing the interaction between a specific information datum and the possible implementation of hidden meanings. The interpretation of the code is connected with the comprehension of the features of the genre, as well as with the understanding of the functional and aesthetic load of rhetorical devices. With the help of rhetorical means, the author leaves in the text the sign elements by which the reader can orientate himself. Rhetorical codes, implemented with the help of the techniques of comparison and personification, can be associated with the process of personification of some abstraction, which allows presenting a whole artistic picture of the world with reliance on generalized psychological, philosophical, cultural experience. The accuracy of deciphering the rhetorical code embedded by the author in the artistic text is determined by the individuality of the reader himself. The aspiration to full and deep mastery of language will allow to understand the aesthetic, ideological format of the fiction text.

Keywords: rhetorical code, interpretation, genre, rhetorical device, text.

Введение

Понимание риторических кодов (РК) складывается из представления о воздействующем эффекте речи. Причем, восприятие речи формируется в системе привычных ценностей и смысловых ориентиров. Согласно определению У. Эко, РК – это «система риторических фигур, примеров и аргументов», соотносимая со множеством конкретных речевых и визуальных ситуаций в различных дискурсах [9, С. 224]. С этой точки зрения релевантно считать, что РК индивидуализируют, уточняют в тексте общие прагматические установки. Интерпретация кодов обусловлена принципами передачи и дешифрации кодов субъектом и объектом коммуникативной ситуации при учете возможных коммуникативных помех.

Содержание РК включает в себя знания смыслопорождающих текстовых компонентов, то есть таких структур, которые позволяют «считать» метатекстовую информацию, что является важным параметром в изучении художественных текстов. РК, по мнению Р. Барта, являются частью культурного кода [1]. В.Н. Степанов, взяв за основу подход У. Эко, считает, что РК представляют собой совокупность субкодов «эмоционально-экспрессивных средств (традиционные тропы и фигуры речи) и речевых жанров (провокативные стратегии и жанры) [5, С. 78]. РК могут быть описаны как знаки текстопорождающих практик, формирующих позиции коммуникантов в пространстве дискурса.

Цель настоящей статьи – определить, что влияет на организацию РК, как происходит его интерпретация при филологическом анализе художественного текста.

В настоящем исследовании мы будем исходить из той мысли, что РК – это система знаков, воздействующих на чувственное восприятие речи, отраженная в текстах, которые имеют жанровую и дискурсивную специфику [6, С. 104].

Работа написана в русле описательного метода, и представленные РК отражают прагматически-оценочный аспект текстовых примеров.

В структуре текста заложена система кодов. Для понимания эстетической ценности, выразительно-изобразительного потенциала необходимо дешифровать эти коды.

Обсуждение

Известно, что смысл текста не равен совокупному значению языковых единиц, составляющих его, поскольку, помимо семантики речи, включает логическую, психологическую, эмоциональную информацию об описываемых явлениях. Л.И. Комарова отмечает, что «интерпретация текста становится психологической, интеллектуальной, моральной, социальной и культурной максимой человека, направляющего свои помыслы на разумное устройство своего «текстового» существования» [2, С. 50]. Художественный смысл представляет собой эстетическую реакцию на произведение, которая формируется при интерпретации РК. Для понимания авторского замысла не будет являться достаточным семантизация каждого слова. Например, Уж солнца раскаленный шар / С главы своей земля скатилась, И мирный вечера пожар / Волна морская поглотила (Ф. Тютчев). Описание вечернего неба создает эффект динамического движения, реализуемого с помощью метафоры солнца в виде раскаленного шара и олицетворения огромной морской волны, которая, даря желанную прохладу, поглощает этот вечерний пожар. Яркая образная картина воспроизводится в сознании как система знаков. Интерпретация знаков требует воображения, способствует фантазированию. Этапы постижения авторского замысла включают в себя сегментацию образов, осознание семантической основы языковых единиц, участвующих в описании событийного ряда, понимание смыслового переноса по сходству при создании метафор и олицетворения, а также объяснение того, почему текст вызывает определенный эмоциональный, чувственный отклик. На последнем этапе происходит дешифрация РК.

Обратим внимание, что не каждый текст требует глубокого осмысливания, то есть считывания РК. Интерпретация зависит от уровня сотворчества писателя и читателя. С точки зрения У. Эко, есть «открытые» повествования, характеризующиеся «активным сотрудничеством, требуемым от читателя, и способностью текста подтверждать (или, по крайней мере не опровергать) широчайший диапазон интерпретационных предложений» [10, С. 65]. Примером такого текста может служить рассматриваемая иллюстрация из стихотворения «Летний вечер», в котором природа представляется воплощением всего живого. Здесь естественным образом происходит смена дня и ночи, подчеркивается цикличность бытия. Считанный РК гармонизации позволяет приобщиться к этому космическому ритуалу, почувствовать умиротворение.

«Закрытые» повествовательные структуры воспринимаются пассивно, не предполагают осознания стратегий текста, так как смысловый рисунок лежит на поверхности. РК представляют собой простые, регулярно воспроизводимые комбинации элементарных знаков. Для их понимания достаточно нерелексированного чтения с семантизированием языковых единиц. Произведение такого характера – это набор «гиперкодированных литературных общих мест», что свойственно массовой литературе [10]. Такие тексты могут быть использованы в качестве иллюстраций на элементарных уровнях освоения языка.

В открытых произведениях РК, являясь частью культурных кодов, являются проекцией мировоззренческих установок. С этой точки зрения любопытным является процесс сопоставления схожих поэтических образов в текстах, принадлежащих разным авторам, и выявление соответствующих РК. Например, РК, реализуемые с помощью приемов сравнения и олицетворения, могут быть связаны с осмыслением процесса персонификации какой-либо абстракции, что позволяет представлять цельную художественную картину мира с опорой на обобщенный психологический, философский, культурологический опыт. Так, образ наступающей тьмы ассоциируется с живым существом, который может замереть и затаиться, словно змея (Пятые этажи тонули в темноте, которая, точно обвисшее брюхо черной змеи, спускалась в коридор улицы и затаилась и замерла, нависнув, как будто приготовилась кого-то схватить. – А. Куприн), а потом поглотить, как огромный страшный кит (Тьма кругом, как страшный кит, Подбирается к рубашке... – Саша Черный [4]).

Темнота наступает неожиданно, будто падает занавес, поэтому возникает чувство обмана, заговора. Слова заговорщик, обманщик, характеризующие вечер, играют главную роль в интерпретации образа тьмы в стихотворении «Веселый Барабанщик» Булата Окуджавы: Будет вечер – заговорщик и обманщик, / Темнота на мостовые упадет, / Но взглядишь — и ты увидишь, как веселый барабанщик / С барабаном вдоль по улице идет [4]. Приход тьмы неизбежен, и ощущение медленного погружения во тьму навеивает мысль об опасности. Лишь жизнеутверждающая фигура «веселого барабанщика», кажется, разрушает страх, разгоняет мрак повседневности с его невидимыми драмами.

В традиционном представлении тьма – это не столько констатация отсутствия света, сколько чувственное восприятие неизведанного мира, полного тайн, поэтому отмечается множество соответствующих синонимов лексемы тьма в словаре «Живого великорусского языка» В.И. Даля (тма, пропасть, бездна, несчетное множество, темнота, неясность, непонятность чего), а также паремий, включающих слова тьма, темень: Свет стоит до тьмы, а тьма до свету, Вешний ветер из темени, осенний из ясени [8]. В художественной литературе отражается народное видение: Глубоко ночью угольная тьма залегла на террасах лучшего места в мире – Владимирской горки (М. Булгаков). В эпизоде романа «Белая гвардия» М.А. Булгаков описывает Город, ставший ареной для трагических событий Гражданской войны. Пейзаж является предтечей последующих предательств и смертей. Интерпретируя произведение, читатель воспринимает РК аккумуляции, эмоционального нагнетания с помощью приема олицетворения залегла (тьма) в сочетании с эпитетом угольная (тьма). По этой причине возникает естественное чувство тревоги и беспокойства. В этом заключается филологичность сознания, проявляющееся в «способности читателя “резонировать” с интерпретативным континуумом и его метаязыком», в том числе как лингвокультурологического компонента [3, С. 163]. Текстовая компетенция, формирующаяся на этапе дешифрации авторского замысла, развивает способность к сопереживанию персонажам и прочувственному видению портретных, пейзажных и интерьерных зарисовок.

Таким образом, писатель готовит читателя к дальнейшим перипетиям, важным для судеб жителей города, для героев романа. Последующее описание погруженного во тьму пространства создает впечатление нелепой, но фатальной неизбежности падения в жуткую бездну: Деревья во тьме, странные, как люстры в кисее, стоят в шапках снега, и сугробы кругом по самое горло. Жуть.

Точная дешифрация РК, заложенного автором в виде знаков в художественном тексте, определена индивидуальностью самого читателя, тем, насколько точно он воспринимает произведение в контексте общей культуры. По мнению М.В. Тищенко, «личность читателя, ряд субъективных факторов, таких как знание языка и культуры, личностный опыт, сформированная картина мира, эмпатия, восприимчивость влияют на успешность интерпретации» [7, С. 275].

Риторические средства – знаковые элементы, по которым может ориентироваться читатель, чтобы понять идею произведения. При этом семантико-стилистические и семиотические характеристики словесной формы произведения «представляют для автора и читателей два самостоятельных объекта лингвоэстетической оценки и, вследствие этого, два самостоятельных типа... мотивированности образа» [3, С. 166].

Например, в стихотворении Анны Ахматовой «Ответ» (Семь дней звучал то медный смех, / то плач струился серебристый) эмоциональное состояние лирической героини передается благодаря приему альтернатезы, основанного на семантике чередования, образуемой антонимами. Смысловая противоположность иллюстрирует изменения, ограниченные во времени. Антонимы смех – плач отражают атмосферу нестабильности, всплеска чувств, остроты переживаний. Контекстуальные распространители подчёркивают резкость в смене эмоций. Эпитеты медный и серебристый помогают создать такие звуковые образы, которые изначально воспринимаются как максимально различимые: медный ассоциируется с густой, низкой тональностью, серебристый – тонкий звук, высокий тон.

Непрерывная смена противоположных эмоций, переживаемых лирическими героями, обостряет восприятие и понимание их чувств. РК дешифруется максимально точно, если читатель реконструирует картину мира, описывающую нравственно-психологические состояния персонажей.

Заключение

Таким образом, мы увидели, что с помощью художественного текста, представляющего целостное единство авторских и читательских представлений о мире, взаимодействие которых позволяет интерпретировать множественные смыслы, развивается способность ориентироваться в произведении, формируется пространство, наполненное РК, их восприятие может быть определено общим культурно-эмоциональным, философским опытом.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Барт Р. SVZ / Р. Барт — Москва: Эдиториал УРСС, 2001. — 232 с.
2. Комарова Л.А. Интерпретация художественного текста как средство экспликации культурно-значимой информации / Л.А. Комарова // Вестник ТГУ. — 2010. — 8. — с. 49-55.
3. Ольховиков Д.Б.. Интерпретация поэтического текста / Д.Б. Ольховиков // Языковое бытие человека и этноса; — Вып. 19. — Москва: МГЛУ, 2017. — с. 162-168.
4. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII-XX веков / Н.В. Павлович — Москва: Эдиториал УРСС, 2007. — 896 с.
5. Степанов Ю.С. Семиотика / Ю.С. Степанов — Москва: АН СССР. Ин-т языкознания. Наука, 1971. — 167 с.
6. Ступина Е.С. Риторические коды антонимов в политическом тексте: биография эпохи (на основе работ В. И. Ленина «С чего начать?», «Что делать?») / Е.С. Ступина // Политическая лингвистика. — 2023. — 4. — с. 103-108.
7. Тищенко М.В. Интерпретация художественного текста и ее границы / М.В. Тищенко // Современное педагогическое образование. — 2023. — 2. — с. 275-278.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль — Москва: Олма-Пресс: Крас. пролетарий, 2004. — 700 с.
9. Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию / У. Эко — Санкт-Петербург: Петрополис, 1998. — 430 с.
10. Эко У. Роль читателя: Исследования по семиотике текста / У. Эко — Москва: РГГУ, 2005. — 500 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bart R. SVZ [SVZ] / R. Bart — Moskva: Editorial URSS, 2001. — 232 p. [in Russian]
2. Komarova L.A. Interpretatsija hudozhestvennogo teksta kak sredstvo eksplikatsii kul'turno-znachimoj informatsii [Interpretation of literary text as a means of explicating culturally significant information] / L.A. Komarova // Bulletin of Tomsk State University. — 2010. — 8. — p. 49-55. [in Russian]
3. Ol'hovikov D.B.. Interpretatsija poeticheskogo teksta [Interpretation of poetic text] / D.B. Ol'hovikov // Linguistic existence of man and ethnic group; — Issue 19. — Moskva: MGLU, 2017. — p. 162-168. [in Russian]

4. Pavlovich N.V. Slovar' poeticheskikh obrazov: Na materiale russkoj hudozhestvennoj literatury XVIII-XX vekov [Dictionary of poetic images: Based on the material of Russian fiction of the 18th-20th centuries] / N.V. Pavlovich — Moskva: Editorial URSS, 2007. — 896 p. [in Russian]
5. Stepanov Ju.S. Semiotika [Semiotics] / Ju.S. Stepanov — Moskva: AN SSSR. In-t jazykoznanija. Nauka, 1971. — 167 p. [in Russian]
6. Stupina E.S. Ritoricheskie kody antonimov v politicheskom tekste: biografija epohi (na osnove rabot V. I. Lenina «S chego nachat'?», «Chto delat'?») [Rhetorical codes of antonyms in a political text: biography of the era (based on the works of V. I. Lenin “Where to start?”, “What to do?”)] / E.S. Stupina // Political Linguistics. — 2023. — 4. — p. 103-108. [in Russian]
7. Tischenko M.V. Interpretatsija hudozhestvennogo teksta i ee granitsy [Interpretation of a literary text and its limits] / M.V. Tischenko // Modern Teacher Education. — 2023. — 2. — p. 275-278. [in Russian]
8. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language] / V.I. Dal' — Moskva: Olma-Press: Kras. proletarij, 2004. — 700 p. [in Russian]
9. Eko U. Otsutstvujuschaja struktura: Vvedenie v semiologiju [Missing Structure: An Introduction to Semiology] / U. Eko — Sankt-Peterburg: Petropolis, 1998. — 430 p. [in Russian]
10. Eko U. Rol' chitatelja: Issledovanija po semiotike teksta [The role of the reader: Studies in text semiotics] / U. Eko — Moskva: RGGU, 2005. — 500 p. [in Russian]